

2020 год, август

Говорят, океан вбирает в себя все страхи и печали. Но так говорят мечтатели, кто верует, что бездонная мощь стихии смывает все житейское и пустое, очищая душу от ненужных чувств; Юля сама всегда верила в это, приказала себе верить и теперь. Пусть он затахнет ее в свой водоворот и поможет снять то напряжение, ту тревогу, ставшие в последние месяцы осью ее жизни, на которую накручивались необдуманные поступки, ошибочные решения, суматошные дела.

Было шесть часов вечера — рабочий день закончился. Океан встречал ее спокойной гладью, словно сотканной из неровных золотистых линий-швов, впитавших в себя солнце и оттого слепивших глаза. Удивительно, как она раньше не замечала, что неровные нити складываются в единый гармоничный крой.

Так и сама жизнь — вся, казалось бы, рваная, состоящая из противоречащих друг другу событий, — быть может, на деле сплетается в единый текст, в единый холст, где во всем есть свой смысл, свое знамение, но ты этого не видишь, не можешь видеть, потому что ты — лишь лодка-точка на одной из маленьких волн. «Лицом к лицу — лица не увидеть, большое видится на расстоянии». Однако тогда Юля этого еще не понимала, не понимала того, что в тот день она была той самой лодкой-точкой, не более того.

Катя приболела, поэтому не пошла с матерью к океану.

Юля быстро шагала вдоль дороги, минуя закрытый отель, а затем небольшой пляж в бухте, скрытый от глаз благодаря своему удачному расположению — город раскинулся на вершине скалы, а пляж внизу, почти под городом. Попасть на него можно было, лишь спустившись по крутой бетонной лестнице. Она предпочитала этот пляж, когда бывала здесь с Катей, потому что он был всем хорош: океан, казалось, только ласково касался берега, отчего вода в бухте была неглубокой и всегда прогретой на солнце, к тому же пляж

был прикрыт от опасных волн волнорезом. Но в дни отлива, как сегодня, он становился непригодным для купания: вода отступала, обнажая большие острые камни, и до самого волнореза глубина была по колено. Чтобы добраться хотя бы до этой глубины, приходилось идти по острым камням, постоянно спотыкаясь и падая, а если не было с собой резиновой обуви, то еще и царапая ступни.

Потому она быстро прошла мимо — к дому, напоминавшему виллу. На деле же здание состояло из нескольких пентхаусов, в каждом из которых было по два этажа, три балкона, нестандартные потолки в 3,5 метра, а главное — дорогостоящий ремонт, мраморные полы и столешницы и антикварная мебель. Дом удачно расположился на возвышенном месте скалы, сразу за ним были валуны из застывшей лавы, а дальше — ничего. Ничего, кроме бесконечного океана и кромки берега. В былые времена в этом здании жили очень состоятельные люди, но теперь оно почти пустовало.

По вечерам закат озарял дом своим алым сиянием. Из его окон можно было наблюдать за синей гладью в любом ее состоянии — спокойном, взволнованном или совершенно буйном. Здесь же был маленький природный бассейн в скалах, поросший водорослями, обжитый рыбами, крошечными крабами и морскими звездами. В нем обычно купались канарские дети. Чуть далее железные ржавые лестницы — спуски в океан. Можно не ранить ноги о камни, а сразу опускаться в воду и плыть. Это было излюбленное место самих канарцев, а теперь и Юлино.

Между защищенным волнорезом пляжем и этими спусками в воду располагалась еще одна бухта — совершенно дикая и открытая океану, словно преподнесенная стихии на широкой ладони. Она вся была изрезана рывтинами в лавовых плато и усыпана острыми камнями и глыбами. Там в скале была пещера, в которой жил отшельник.

Однако вот странность: сегодня на огромных плато из окаменевшей лавы никого не было, ни души. И Юлия, 37-летняя

женщина с жизненным опытом, должна была разгадать этот знак. В другой день, быть может, она бы его сразу распознала. Но сегодня она была так увлечена своими мыслями, что быстро скинула легкий хлопковый сарафан, шлепки — и мгновенно оказалась в волнах. Они покачивали ее, убаюкивая, и Юля тут же поймала себя на мысли, что метод действовал. Ее внутренний спор с мужем утихал, она уже не сыпала обвинениями и спокойнее размышляла о своей семейной жизни и том конфликте, что встал, казалось, непреодолимой стеной между ними.

— Все разрешимо, — самонадеянно говорила кому-то Юля, успокаиваясь, — нужно только найти подход. К нему подход, ко всей ситуации. Нужно показать Йохану, что он не прав, и тогда он, как человек разумный, первый же...

Но она не успела договорить, потому что вдруг услышала истошные крики, которые напугали ее. Несколько человек столпились у калитки на набережной. Они что-то кричали и махали руками, причем, скорее всего, их крики были обращены именно к ней, ведь на плато никого не было, — эта мысль ошпарила ее. В тот же миг по лбу растеклось жгучее тепло. Опасность!

Она резко обернулась и, исполненная каким-то нечеловеческим ужасом, увидела, что на нее надвигается стена из воды. Цунами? Откуда? Как?! «Не было же никаких предупреждений», — успела подумать она, будто эти жалкие оправдания могли спасти ее.

Изо всех сил, на какие была способна, Юля стала грести к берегу: вспомнились уроки басса и баттерфляя, которые ей давал в детстве отец. Она мчалась к берегу, будто была не хрупкой женщиной, а настоящей спортсменкой — сильной, упругой... Край плато так близок, она отплыла-то всего на несколько метров, она успеет!

Однако океан, напротив, затягивал ее, и, несмотря на свою отчаянную борьбу, женщина лишь отдалялась от берега: волна засасывала ее вместе с водой, наращивая свою мощь. Юля попала в фазу гигантских волн, коварный океан

завлек ее несколькими минутами покоя и теперь вдруг показал свое истинное лицо.

Удивительное дело — до самого последнего вдоха она не верила, что это конец. Суть человеческого сознания в том, что оно не может отрицать себя, не может поверить, что когда-нибудь оборвется, а тем более так внезапно, без предупреждения. Волна непременно кого-то сокрушит, но... не тебя! Все происходящее словно стало замедленным сном, и до момента столкновения с синей бездной прошли, казалось, не секунды, а часы. Вся жизнь не промчалась перед глазами, нет. Но промчалась жизнь дочери: текущая и будущая. Она покинет Катю одну в чужой стране, когда та принимает два сверхтоксичных препарата сразу, без надежды выйти в ремиссию. Как можно оставить ее теперь без матери? Какая нелепая, нелогичная смерть! Какая жестокость к бедной девочке, будто она недостаточно настрадалась. А Йохан, этот святой человек, не встретивший настоящей любви в жизни до нее, — она была его отдушиной... Как можно оставить его теперь? Если только смерть случится — ведь не случится же? Не может случиться! С кем угодно может, но только не с ней. А если... то кто будет заботиться о Кате? И опять разум играл с Юлей, обманывая тем, что все происходит не с ней, что все это — яростный, удушающий сон.

А затем последовал оглушающий удар, вспышка темноты в глазах, погружение в пучину, едкая соль, раздражающая носоглотку, бешеный поток, переворачивающий ее и несущий куда-то... Она бултыхалась, гребла, пыталась выбраться наружу, к воздуху, чтоб просто дышать, но не выходило — казалось, она заблудилась, запуталась и не знала, где спрятан свет дня.

Каждой весной здесь погибало несколько незадачливых туристов. Именно в этом месте раз в несколько месяцев появлялись огромные волны, которые смывали начисто всех, кто оказывался на плато. Испуганные люди не могли справиться с ними и с сильным течением и постепенно в бесплодной борьбе теряли силы, а океан тем временем относил

их дальше от берега. Потом вертолеты по несколько дней кружили над водой в поисках тел, но никогда никого не находили: океан легко прятал следы своих преступлений, поглощая тела, словно бумагу. Юлия все это знала. И тем не менее стала жертвой обманчивой, злой стихии.

Дальнейшее, казалось, длилось несколько минут, на деле же это было не так. Люди на дороге вызвали полицию, и отряд появился почти сразу. Но мужественные канарские полицейские — высокие, широкоплечие, статные, с иссиня-черными волосами под фуражками — просто стояли на мостовой, с некоторой неловкостью наблюдая, как вдали захлебывающаяся женщина то появлялась из огромных волн, то вновь погружалась в них. Они о чем-то довольно равнодушно переговаривались, переминались с ноги на ногу, но ничего не предпринимали.

Казалось, все предрешено. Никто не двигался с места, не желая напрасно рисковать собой. А все-таки женщина с таким отчаянным упорством цеплялась за жизнь, словно не могла поверить, что силы ее скоро иссякнут и что умение плавать ничего не значит, когда твой противник — разъяренная стихия.

Кто-то из русских пожилых пар вдруг понял, что полицейские не вызовут спасательный отряд, сюда не приплывет катер, не прилетит вертолет — надеяться нужно только на самих себя, то есть на самых обычных людей.

— А что же Милош? — послышались взволнованные перекуды. — Ведь правда же, только он спасет ее. Неужели это Юлия? Как же так, ведь у нее дочь! Ее нужно спасти.

— Милош обычно в это время на прогулке наверху, ходит вдоль ущелья, — неожиданно вспомнил кто-то. Услышав эту реплику, все тут же поняли, что и сами это всегда знали, но от потрясения напрочь забыли.

— Бегите скорее за ним! — воскликнула одна из женщин своему супругу и его другу. А затем продолжила, когда они

уже побежали: — Лишь бы она не выдохлась, лишь бы до-терпела. Вся надежда только на Милоша!

Оставшиеся на берегу люди, к которым подходило все больше местных и туристов, нервно наблюдали за тонущей соотечественницей и за пустой дорогой, что убегала в верхнюю часть города. Вечернее солнце стояло еще высоко, оплавляя безукоризненно ровный асфальт мостовой своими горячими лучами. Женщины, знавшие Юлю, теряли самообладание и пытались что-то кричать полицейским, призывая их к действиям, но без толку. Другие же зеваки равнодушно смотрели на борьбу какой-то несчастной, словно это был фильм, триллер, будто они в уме делали ставки — выплывет или не выплывет?

А она между тем все чаще уходила под воду и все реже появлялась на поверхности. Силы ее заканчивались, это понимали и канарцы и русские, и туристы и полицейские — все они знали, что впереди. Милош не успеет, никак не успеет, законы физики не обмануть. Он не сможет прибежать сюда так быстро... Постепенно гнетущая тишина разлилась в воздухе. Даже зеваки следили за Юлией, затаив дыхание. Они словно стали частью тайнства, страшного и неумолимого, свидетелями того, чего в глубине души боится каждый, но чего в итоге не избежать никому.

Вдруг раздался отчаянный вопль:

— Милош! Милош! Скорее!

Окружающие обернулись и увидели, как по резко скатывающейся вниз мостовой мчался Милош. Пожилые русские не успевали за ним, оставшись далеко позади. Смуглый до неотмываемой черноты, этот серб был одет в самые дешевые шорты и выцветшую майку, на ногах его были резиновые шлепки. Он был жилистым и невысоким, неухоженным и немолодым, с неказистым лицом, на котором словно вдавлены были глаза с темными кругами под ними.

Тем не менее всё это не имело значения теперь, когда все замороженно следили за каждым его движением, за работой

мускулов на сильном теле простого работяги. Следили за его напряженным лицом — лицом человека, который не замечает ничего и никого, словно глядит сквозь предметы. Все существо Милоша, казалось, было захвачено моментом: его мысли, чувства, каждая клетка иссушенного на беспощадном экваториальном солнце тела. Он был быстрее времени, быстрее стрелок на часах, быстрее звуков на ветру, быстрее слов в умах.

Милош вмиг сбежал по старинной каменной лестнице вниз к океану, а затем прыжками по огромным камням добрался до воды — тропой, которую знал только он, потому что здесь была спрятана от горожан, проживавших наверху, его пещера, его дом. Вдруг Милош зачем-то снял шлепки и надел их на кисти рук, а затем нырнул в воду с грацией человека, давно сжившегося с океаном и примирившегося с его бешеным нравом. Он уважал океан и жил по его правилам, потому теперь рассекал волны подобно дельфину, которого невозможно было напугать небольшим шаловливым штормом. Юля показывалась на поверхности все реже, но Милош видел ее. Только ее. И ничего больше.

Он мчался к ней так, будто долгая жизнь в пещере, на лоне суровой природы, пробудила в нем древние инстинкты, пробудила животное начало, и теперь он был сверхчеловек.

...Когда он наконец вытащил Юлю на берег, к ним тут же подбежали люди, и один местный житель, врач, стал осматривать ее. Она безудержно кашляла, харкая водой и солью, он что-то говорил ей на ломаном английском. Она всё кашляла, сотрясаясь от судорог, но в душе ее поднималось только одно чувство: ей хотелось даже не плакать, а рыдать, так она была благодарна, так была потрясена добротой этого странного человека — отшельника, судьбой которого никогда прежде не интересовалась, но который один отважился спасти ее. И сделал это не из любви к ней, не по долгу службы, не за награду, а всецело бескорыстно, лишь потому, что она была человек — и он был человек, и

для него это было простое уравнение, не допускающее никаких других решений, кроме одного.

Юля еще не могла говорить, когда ей так многое хотелось сказать, она лишь пыталась вложить силу своей благодарности во взгляд, но боялась, что выглядела глупо и Милош не понял ее порыва. Окружившие ее русские пенсионеры благодарили серба за нее.

— Какой ты бесстрашный, какой молодец! Словно дельфин, за мгновение домчался до Юлечки. Невероятно! И ведь скольких людей уже так спас!

Когда Юля смогла наконец говорить, толпа разошлась, полиция уехала, скрылся и Милош. Ее привели домой — растрепанную, в одном купальнике, без обуви. А Катя, узнав о случившемся, онемела, будто опасность не миновала, а еще была вся впереди. Юля, рассудок которой перевернулся после произошедшего, в каком-то забытии обнимала дочь и гладила ее по спине. Сама же говорила про себя: «Все это ошибка. Одна большая ошибка. Я чуть не погубила себя, чуть не оставила дочь одну — больную, несчастную дочь. И кто бы ее воспитывал, если бы меня не стало? Муж или Антон? И что мы здесь забыли? Вдали от дома, вдали от... Йохана».

— Да. Это знак, — пробормотала она. — Путешествие на Тенерифе — одна огромная ошибка.

С самого начала поездки все действительно пошло совсем не так — непредсказуемо, неправильно, они завертелись, будто в бреду. Ах, зачем они только приехали сюда, ведь никакого чудотворного эффекта Тенерифе так и не дал Кате!

...Но чтобы рассказать об этом, нужно вернуться на несколько месяцев назад — к самому началу, когда все были бесконечно наивны и еще не знали, что ждет впереди.

2020 год, февраль

Что может быть более коварным, чем вмешательство близких в жизнь человека? Прикрываясь заботой о тебе, они подменяют твои мысли своими, нарушая логику твоей жизни и твоего глобального плана, давно выверенного и выстроенного в уме. Между тем, не зная и малой толики этого плана, они вызывают разрушения, подобные разрушениям папуасов, вмешивающихся в работу инженеров, конструирующих небоскреб. И вот ты уже не помнишь, почему шел этой дорогой с таким упорством. Ты колеблешься. Ты сдаешься. А потом все идет не так, но уже поздно: в этом хаосе ничего не распутать и не найти истоки ошибки.

Такие мысли занимали Юлю, когда к ним приехали родители Йохана. Оставалось несколько дней до вылета на Тенерифе. Матери Йохана было 73 года, а отцу — 75. Они были подвижными, энергичными и спортивными седовласыми людьми. По утрам занимались спортивной ходьбой. Совсем недавно вышли на пенсию, оттого мыслили здраво, были полны сил и не понимали своего нового состояния свободы — то и дело придумывали себе занятия: поездки в лес, в соседние города, походы в кино, театры, музеи, парки, рестораны. Но в этом месяце все изменилось: больше не будет таких безрассудных активностей.

Мать Йохана, красивая сухощавая невысокая женщина, смотрела на них своими выразительными, немного выпученными глазами, словно пытаясь загипнотизировать. Она говорила по-немецки, но Юля почти все понимала: за два года она неплохо выучила язык. Все они сидели за столом в просторной светлой гостиной и пили чай. Катя уже вышла из-за стола и занималась в своей комнате, а потому не слышала их разговор и не подозревала, что бабушка с дедушкой приехали по ее душу.

— Я сама люблю Канарские острова, вообще Испанию, — говорила Грета. — Мы с твоим отцом объездили весь

полуостров за нашу-то долгую жизнь! И нам должны были дать путевки, между прочим, в этом году. Но у нас и в мыслях нет сейчас планировать какие-то поездки, потому что это опасно. Вы же понимаете: пятьсот человек заболели в Германии! Пятьсот! А по слухам — еще больше.

— Наверняка больше, — вторил ей Кристиан.

Это был высокий стройный старик с величественной осанкой, которая всегда и везде выделяла его среди других. Юля часто смотрела в его серые глаза, словно затянутые пленкой, и пыталась понять, был ли он способен на сильные чувства. Глядя на Кристиана, она особенно ощущала разницу менталитетов: в его взгляде Юля ничего не считывала, ничего. Но он любил Йохана, а Йохан любил его — это она по рассказам мужа знала точно. Выходило, что она что-то не разгадала в культуре этой чужой страны. Здесь можно было выглядеть хладнокровным, а на деле таить в себе бездну чувств.

— Эта статистика устарела, — пояснил Кристиан.

— Не суть, — продолжала Грета. — Я же беспокоюсь...

— Мама, — перебил ее Йохан, — в Китае статистика смертности от коронавируса ниже, чем от обычного гриппа. Но мы ведь не боимся гриппа, не сидим дома! Если бы тебе каждый день писали в новостях, сколько людей со сниженным иммунитетом умирает от гриппа, ты бы сейчас боялась гриппа, а не коронавируса. Я тебе говорю как врач. Кому ты поверишь: властям или мне?

— Но я же беспокоюсь не за себя, — настаивала на своем Грета, повышая голос и будто не слыша его слов, — ведь речь о Кате. Какие лекарства она принимает! Вы же сами говорили, что ей опасна даже ветрянка, пока она принимает эти препараты. Это безрассудно.

— Грета, но Тенерифе — наше спасение, — не выдержала Юля. — Как вы не понимаете? Там нет ни одного случая, и каковы шансы, что вирус доберется до крошечного острова? А здесь он грозит ей отовсюду. Германии не избежать эпидемии, это уже точно.

— Но какая медицина на острове?! — воскликнул Кристиан, немного теряя самообладание. Лицо его стало чуть пунцовым, и Юля поразилась внезапной перемене в нем: оказывается, и он мог выйти из себя, нужен был лишь веский повод. — Как можно сравнивать? Сколько там палат в отделениях реанимации, сколько больниц? Что, если Кате понадобится реанимация, а места будут заняты? Здесь ей помогут, окажут лучшую помощь. Здесь она — дома!

Юля чуть прикрыла глаза, взяв паузу. С последним доводом невозможно было спорить: Кристиан был прав, прав безраздельно. И она бы солгала, если бы заявила, что не думала об этом, не прокручивала в голове различные сценарии. Она резко взглянула на мужа, решив почему-то, что он может передумать и встать на сторону родителей, ведь их двое против нее одной... Но Йохан сидел по-прежнему ровно, спокойно, в нем не чувствовалось напряжения: он и не думал предавать ее. Во всем его облике, в профиле орлиного носа, в мужественном лице, в блеске умных пронизательных глаз светилась внутренняя сила. Волосы его серебрились, но как же молодо он выглядел для своих со-рока пяти лет!

— Мы все это знаем, — сказал он невозмутимо. — Однако мы с Юлей обсудили и пришли к выводу, что там не будет опасности. Точнее, на Тенерифе ее будет меньше. Они переждут эпидемию, а затем вернуться. Будут там столько, сколько понадобится: месяц-два. Я скоро к ним приеду, буду работать удаленно.

— Это безумие! — воскликнул Кристиан.

— Вы не думаете о Кате, — заявила Грета, вкладывая всю силу своего разочарования в последние слова.

Тем не менее они не могли долго настаивать на своем: это была не их родная внучка, хотя и единственная для них, и они не чувствовали за собой права вмешиваться так настойчиво, как это делала в свое время мать Юлии. Но как им было объяснить то, что даже мать Юли сейчас поняла? Все это они уже пережили два года назад: все эти выяснения,

и крики, и ссоры. И тогда даже Людмила Петровна смогла признать ее порыв увезти Катю на далекий остров.

А главное, как им было объяснить, что лишь только Юля начинала переживать из-за здоровья Кати и эпидемии, как она сразу закрывала глаза и переносилась в свое укромное место, где ей было все равно? Она будто растворялась в воздухе, переставала существовать для физического мира. Каждая клеточка ее души разносилась по ветру, и уже никто не мог достать ее и внушить свои идеи, потому что ее было не найти, душа ускользала от людей, рассыпанная в пространстве. И тут же логические доводы меркли, риски и опасность, внушаемые другими людьми или по собственной воле забредшие в ее мнительный разум, будто блики на воде, раз блеснув, исчезали.

Она говорила себе, что все это была условность, надуманная и неощутимая, — и легко избавлялась от нее. Человек, не переживший этого, никогда не поймет. Никогда не поймет, как любящая мать может принять решение везти на Тенерифе дочь, над тактикой лечения которой ломали голову врачи, а сама эта тактика менялась каждые полгода из-за столь частых неудач. Тем более — принять такое решение сейчас, когда в мире появился вирус, опасный для таких детей, как Катя...

Это и был ее план, которого они не понимали, но который она избрала для себя и дочери два года назад: жить так, словно над ними не висел дамоклов меч, будто Катя была обычная девочка, а она — обычная мать и они ничем не отличались от других людей. И она не позволит никаким эпидемиям вновь ввергнуть ее в состояние безотчетного страха. Нет, это был пройденный этап. Родители мужа пытались затянуть ее обратно в это болото, не понимая, что она уже давно выше этого, а Йохан... Йохан полностью разделял ее точку зрения.

— Мы просто думаем, — продолжил Йохан после неловкого молчания, — что нам будет плохо везде: и здесь, из-за большого скопления людей, и на Тенерифе, но уже из-за

недостаточно надежной медицины. Просто плохо будет по-разному. Вот и все.

— Там крошечный город, пара тысяч человек, это не Франкфурт, — вторила ему Юля. — Даже когда в городок приезжают туристы, людей все равно мало. Пляжи пустуют. И каждый день сильнейшие ветра, которые уносят инфекции. Мы никогда, никогда ничем не болели там.

— Решать вам, вы родители, — сказала Грета. — Вы в ответе за дочь.

Слова ее, не совсем искренние, а скорее, наоборот, двусмысленные, прозвучали зловеще. Тишина уютного дома в тихом районе будто вторила ей: посмотрите, как здесь хорошо, как комфортно, все по первому классу, вся бытовая техника, свой сад с качелями и барбекю, — словно в непоколебимой крепости в разгар войны, вам бы жить и радоваться спокойствию и надежности, но вы покинете это все, ринетесь в гущу боя... во имя иллюзии?

Когда родители уехали, Юля и Йохан вышли на веранду, за которой располагался просторный сад. Этот дом они купили совсем недавно, взяли в ипотеку по низкой ставке. Впрочем, низкой она казалась Юле, которая переехала в Германию всего два года назад: по сравнению с 10–13 процентами в России ставка была поистине низкой. Для Европы же 2 процента было совершенной нормой, поэтому, в общем и целом, европейцы могли позволить себе более дорогостоящее жилье.

С появлением Юли в своей жизни Йохан решил воплотить давнюю мечту о доме. Конечно, их поселок был достаточно далеко от Франкфурта: цены в самом городе были слишком высокими, чтобы купить что-то большее, чем квартира. Но для них расстояние не было проблемой: утром они завозили Катю в школу, а сами отправлялись на работу. Путь занимал всего сорок минут. До вечера Катя занималась в секциях, а родители, вернувшись с работы, забирали ее оттуда домой.